"Извините, я все-таки пойду вперед".

Я сказал это Ариваре и Тачибане, когда заканчивал трапезу в кафе.

"Не слишком ли ты опекаешь меня, Окабэ?"

Я настороженно улыбнулся, даже покачав головой на замечание Аривары.

"Я недостаточно опекаю. Мизуки слишком много делает, ничего не говоря людям".

".....Ну, это правда."

"Кроме того, сегодня у нее не было аппетита. В конце концов, она ела только похлебку".

Тачибана был человеком, который всегда улавливал детали.

Он должен был заметить разницу между обычной Мизуки и той, которая только что ушла.

"..... Я ничего не говорил некоторое время назад..."

заговорил младший из близнецов Сугавара.

"...но мята и эвкалипт обладают седативным эффектом. Может быть, она пыталась снять боль без обезболивающих?"

"Сегодня утром Мидзу-чан сделала все возможное, чтобы прийти в школу, несмотря на очевидный дискомфорт, который она испытывала. Тот парень, с которым была Мизу-чан, даже не заметил, что с ней что-то не так, ее... болезненный... вид!"

".....Ооками?"

Тачибана прикрыл лицо, когда ему напомнили об утренней неожиданности.

"Я понимаю ваши чувства к Мизуки, старший Сугавара. Я должен вам за это утро. Мы можем обсудить этот вопрос позже".

Несмотря на то, что я сказал ей сказать мне, когда произойдет что-то подобное, она снова решила просто терпеть это?

Я с силой вернул свой грязный поднос и поспешил в класс Мизуки.

Кому сейчас было дело до правила "не бегать в коридоре"?

Я бежал так быстро, как только могли нести меня мои ноги.

Академия Шинономе была довольно большой.

Поскольку столовая должна была обслуживать и старшую, и среднюю школу, она была построена в центре кампуса.

Над всеми коридорами были крыши, так что ученикам не приходилось беспокоиться о том, что они промокнут в дождливые дни.

Дождь.

Мизуки говорила, что ее раны болят, когда атмосферное давление меняется в зависимости от погоды.

Несмотря на боль, она не хотела принимать успокоительные средства и изо всех сил старалась терпеть боль.

Почему я не беспокоился больше?

Я знал несколько средств, которые помогали, но ни одно из них не справлялось с болью полностью.

Она сказала, что ей нужно уладить кое-какие дела, но какие?

Я должен был спросить ее об этом до того, как она ушла.

Когда я подошел к классу Мизуки, я замедлил шаг.

Я заметил, что Мизуки разговаривает с надоедливым парнем у окна в коридоре.

Иори Сува.

Он был тем, о ком она должна была позаботиться?

Он был еще одним человеком после Мизуки.

Ничего хорошего от общения с Сува не было.

Мизуки, казалось, закончила разговор и начала бодро шагать прочь.

Однако что-то было не так.

Как только я это подумал, верхняя часть тела Мизуки задрожала, и она упала.

"Сагара!"

"Не трогай ее!!!"

крикнул я Суве, когда он подошел к упавшей Мизуки.

Испуганный Сува обернулся, услышав меня.

"Я больше никогда не позволю тебе прикасаться к Мизуки".

Это было неприемлемо, чтобы тот, кто несет ответственность за почти убийство Мизуки, прикасался к ней.

Мой взгляд был устремлен на Суву, когда я подошел к Мизуки, наклонился и поднял ее в сидячее положение.

Мизуки оставалась без сознания.

Ее кожа была бледной и холодной на ощупь.

Правый рукав постепенно приобретал красный оттенок.

Неужели ее кожа порвалась?

"С Сагарой все в порядке?"

донесся до меня обеспокоенный голос Сува.

"Тебя это не касается".

Неважно, что думала Мизуки, Сагара ненавидела то, что она была связана с Сува.

Сува был напуган моим тоном.

Я поднял Мизуки и встал.

Те, кто беспокоился о Мизуки, расступились передо мной в коридоре.

Я медленно направился к лазарету, стараясь не толкнуть ее.

Хотя это и была нескромная мысль, я не мог не быть благодарным за то, что Мизуки не носит юбку.

Раны Мизуки были довольно тревожными.

Она уже давно должна была полностью оправиться от них.

Это был довольно жестокий шрам.

Рана напоминала о том, что ей удалось избежать смерти.

В обычных условиях она не смогла бы так свободно передвигаться.

Паралич половины тела или вегетативное состояние - вот что ожидалось.

Позже я узнал, что ее спасло подсознательное решение.

Поскольку она упала, защищаясь, ее голова не пострадала.

Поскольку она свернулась в клубок, ее позвоночник не был сломан.

В результате кости правой руки и ноги были раздроблены.

Раздробленные фрагменты костей были собраны, установлены в нужное место и скреплены болтами.

Я слышал, что операция по вправлению сломанных ребер и смягчению повреждений внутренних органов заняла немало времени.

Мизуки впала почти в коматозное состояние, и я боялся, что она больше не откроет глаза.

Слово "чудо" было слишком легким описанием того, что произошло.

Вот как мы были благодарны за то, что Мизуки решила жить, когда смерть была бы более легким вариантом.

Тем не менее, именно тогда начались адские дни Мизуки.

Она пролежала в больнице всего полгода.

Однако если бы вы захотели сосчитать количество операций, которые ей пришлось перенести за эти шесть месяцев, пальцев на обеих руках не хватило бы.

При таких несчастных случаях, как у нее, невозможно полностью восстановить работоспособность после первой операции, поэтому требовалось множество операций.

Кроме того, Окугата-сан, мать Мизуки, боялась, что шрамы уменьшат ее шансы на замужество, и заставила ее также сделать пластическую операцию.

Хотя некоторые шрамы удалось убрать, Мизуки поплатилась за это своей физической силой.

Ее ослабленное тело стало чувствительным к запахам, не только парфюмерия, но даже стиральный порошок и цветы были для нее слишком тяжелы. Больничное дезинфицирующее средство, которым они мыли посуду, вызывало у нее рвоту, когда она чувствовала его запах.

Она не могла есть твердую пищу и была вынуждена получать дополнительные питательные вещества из капельницы.

Проблема была в том, что ложки и миски тоже пахли антисептическим раствором.

Гастростомия не помогла.

Тем не менее, следующему главе семьи продолжали делать пластические операции.

Каждый раз, когда Мизуки исчезала за этими дверями, я боялся, что она не вернется.

Однако я не мог сказать, что хочу, чтобы операции прекратились.

Мизуки отдавала все силы, и я не мог сказать ей, чтобы она остановилась, только потому, что

боялся.

Через четыре месяца после госпитализации Мизуки наконец попросила прекратить операции.

Ее мать пыталась убедить ее не делать этого.

Однако Мизуки, которая обычно послушно делала все, что ей говорили, отказалась от этой затеи.

"Я ненавижу это!"

Шок от слов Мизуки заставил меня замолчать.

Мизуки оставалась непреклонной, и ее мать повернулась ко мне, чтобы я смог убедить ее.

Мне было бы трудно выполнить этот приказ, и только вмешательство бабушки Мизуки избавило меня от этого.

"Тело Мизуки нуждается в исцелении, так что пусть она немного отдохнет".

"Но, Окаасама! Шрамы должны быть полностью удалены! Иначе Мизуки будет страдать".

Я был удивлен слезной мольбой господина Окугаты.

"Она не сделала ничего плохого, я не могу не думать о несправедливости всего этого, когда ей приходится смотреть на эти шрамы. Ей придется жить с этими ужасными шрамами до конца своих дней. Мизуки все еще девочка!!! Если бы я могла поменяться с ней местами, я бы сделала это.....".

"Для меня это то же самое. Если бы эта старушка могла поменяться с ней местами, она бы сделала это в одно мгновение. Но, Йорико-сан, как ее мать, вы не можете быть потрясены тем, что должно произойти. Если мать оступится, ребенок потеряет опору. Йорико-сан, Мизуки сделала все возможное, чтобы успокоить вас, пройдя через эти операции. Мизуки больше не хочет этого делать. Вы должны принять это".

"Мама..... Прости....."

"Все хорошо, не плачь больше. Ты ее мать. Раз уж Мизуки говорит "я ненавижу это" сейчас, то это, в конце концов, хорошо. Вместо того, чтобы проливать слезы, лучше обсуди будущее с доктором".

Сказав это, они вдвоем отправились в зону ожидания.

Я не знаю, что они обсуждали после этого.

Однако я почувствовал облегчение, когда узнал, что операции не будут продолжаться, пока она не восстановит силы.

Но чувствовать облегчение было еще рано.

Мизуки все еще нужно было удалить болты из руки и бедра.

Изначально это не должно было быть сложной процедурой.

Для организма с ослабленной иммунной системой было практически невозможно не подхватить инфекцию.

Проблема была в правой руке.

Она требовала ежедневных процедур по удалению швов и некротической плоти.

Если рана успевала закрыться, ее приходилось снова вскрывать, чтобы удалить зараженную область, промыть и продезинфицировать.

После нескольких сеансов кожа на руке Мизуки стала совсем тонкой.

Когда анализ крови подтвердил, что инфекция исчезла, плоть превратилась в келоидный рубец, и казалось, что рана полностью зажила.

Однако это было только на первый взгляд.

Даже когда рана закрылась, тело помнило. Кожа могла выглядеть крепкой, но она оставалась нездорово тонкой.

Всякий раз, когда Мизуки испытывала сильный стресс или напрягала кожу, она рвалась, и из-под нее вытекала кровь.

Пластический хирург объяснил, что организму потребуется несколько лет, чтобы оправиться от травмы.

Когда же оно забудет?

Тем не менее, прошло всего два года.

Обычно все было в порядке.

В последнее время открытие ран стало редким явлением.

Причина ее стресса была виновата.

Другими словами, это была Сува.

Я должен предотвратить их дальнейший контакт с ней.

Мне плевать, что я заслужу гнев Мизуки.

Мое решение было принято, когда я вошел в лазарет.

В Шинономе была женщина-врач.

Ее звали Сагара Мари.

Она была старшей дочерью Сагары и старшей сестрой Мизуки.

Ее красота и величественные манеры принесли ей прозвище Императрица.

"Я ждала тебя, Хаятэ. Положи Мизуки на эту кровать".

Каким-то образом она услышала о том, что Мизуки упала в обморок, и уже начала подготовку.

Мари на момент происшествия уже была врачом и выполняла роль ассистента хирурга во время первой операции.

Я могу оставить Мизуки на попечение Мари, потому что она знала о ранах Мизуки больше всех из семьи Сагара.

Мари без колебаний расстегнула рубашку Мизуки после того, как я положил ее на покрытую брезентом кровать.

Нет, подождите! Я все еще здесь!

Подожди секундочку.

Мари окликнула меня, когда я попытался отойти.

"Хаятэ, мне нужна твоя помощь!"

"А!?"

"Мне нужна твоя помощь в лечении Мизуки. Можешь осмотреть ее раны?"

"Конечно!"

Похоже, проблема была проигнорирована.

Хотя я хотел прокомментировать, что дочь показывает свою кожу мужчине до замужества, Мари была неумолима.

Плечо Мизуки было обнажено, и ее рана стала видна.

Она оказалась меньше, чем я ожидал.

"Я чувствую некоторое облегчение от того, что твой цвет лица не изменился при виде шрамов, Хаятэ".

"Они - доказательство того, что Мизуки решила жить. Я рад, что рана меньше, чем я думал".

"Хорошее дитя. Возьми эту сковороду и держи ее прямо под раной. Сейчас я собираюсь промыть рану".

Я взял серебристую сковороду в форме фасолины и поставил ее туда, куда было велено.

Мари промыла рану очищенной водой, простерилизовала окружающее пространство и тщательно простерилизовала внутреннюю часть раны.

Затем она нанесла на рану мазь, накрыла ее стерилизованной марлей и обмотала хирургической лентой.

Ее работа протекала без лишних моментов.

"Все готово. Спасибо, Хаяте".

"Нет. Вы сделали большую часть работы".

Я был в растерянности, когда отвечал Мари, начавшей уборку.

"Мари-сама. Сменная одежда для Мизуки.....".

"Хорошо. Я позабочусь об этом. Там ждет подготовленный комплект одежды".

Не знаю, какие методы она использовала, чтобы получить эту должность, но то, что Мари была врачом лазарета, было полезно.

"Я все еще бесполезен."

".....Эх."

Я был бесполезен для Мизуки.

Я думаю, это естественно, что у человека есть травма или две, которые он не в состоянии сразу преодолеть.

У Мизуки было две травмы.

Ей становилось плохо, когда она видела фургон, и когда она видела красный цвет.

Красный цвет, напоминающий о крови, был для нее губителен.

Красные фонари, красные розы и другие подобные предметы не вызывали у нее никакой реакции, но кроваво-красный цвет был для нее невозможен.

Она даже не могла использовать этот оттенок красного в своих рисунках.

О кровавой рубашке не могло быть и речи.

"Тогда....."

"Подожди минутку".

Несмотря на то, что после обеда начались занятия, Мари продолжала меня задерживать.

"Ты же не думаешь, что я сама ее переодену? Помоги мне."

"А!? Нет, подожди..."

"В чем дело? Подними Мизуки и поддержи её."

"Нет-нет! Мари-сама, это неприемлемо!!!"

"Как её врач и сестра, я разрешаю. Всё в порядке. Сделай это сейчас же!"

Не было возможности победить ни Мари-сама, ни вторую дочь Чика-сама.

И самое страшное было то, что Мизуки не возражала бы, если бы она была в сознании.

"Пожалуйста, будьте немного осторожны. Якумо-сама может убить меня из-за этого.....".

"Якумо пугает тебя? Ахахаха!!! Вот почему ты никогда не завоюешь сердце Мизуки".

"Нет, ну. Я - Цуйдзин....., выбор за ней".

Я отвёл взгляд, поднимая Мизуки и говоря.

Якумо точно не будет тем самым.

Я пообещал это Мари в своей душе.

<http://tl.rulate.ru/book/8792/1666878>